

КРАХ БЕРЛИНСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА З. И. ГРЖЕБИНА

Ефим Динерштейн

Характеризуя берлинскую русскую печать начала 20-х годов, известный деятель кадетской партии и не менее известный публицист И. В. Гессен отмечал, что “самым крупным, перешеголявшим и “Слово” [собственное издательство Гессена - Е. Д.] было Издательство Гржебина, друга и протеже Горького, через которого он ловко устраивал свои дела” (Гессен 1979: 108). В этом саркастическом замечании справедливы лишь два момента: сведения о значительности объемов производства гржебинского издательства и о его изначальной связи с Горьким. Более того, это издательство и было создано ради того, чтобы в какой-то мере материально обеспечить писателя на первых порах его вынужденного пребывания за границей. Отсюда и поддержка З. И. Гржебина советским правительством в его стремлении развернуть издательскую деятельность в России и Германии. Выполняя заказы Госиздата и Наркомпроса, он в то же время выступал в качестве частного предпринимателя.

Владислав Ходасевич (1940: 131), тесно связанный в свое время с Гржебиным и Горьким, считал, что крах гржебинского издательства объясняется, если не прямыми, то тайными каверзами советского правительства, которое преднамеренно распустило слухи о готовности допустить в Россию эмигрантские издания, напечатанные по новой орфографии. Спровоцировав издателей на расширение производства, оно затем запретило ввоз изданных за рубежом книг в Россию. Прельстившись открывавшейся возможностью, Гржебин вложил “все свои средства, но книги у него не взяли, и он был разорен вдребезги”.

Примерно той же точки зрения придерживаются и некоторые современные российские исследователи, в частности, проф. И. А. Шомракова, считающая, “что издательство З. Гржебина потерпело полный финансовый крах в 1923 году из-за недобросовестности советских партнеров, из-за ориентации З. Гржебина на советский книжный рынок” (Шомракова 1994: 183). Ее указание на привязанность Гржебина к рос-

сийскому рынку справедливо в той же степени, как и свидетельство Ходасевича о неосмотрительном вложении им всех имеющихся у него средств в дело. Однако предъявление советской стороне обвинения в особом пристрастии к Гржебину не правомерно. Речь может идти лишь о непоследовательности проводимой советским правительством политики в отношении эмигрантских издательств, которые контактировали с ним (всякие отношения с так называемыми “белогвардейскими издательствами” исключались с самого начала). В качестве примера можно сослаться на сменовеховское издательство “Накануне”, тайно субсидируемое советским правительством. Все его издания, в том числе и газета “Накануне”, проходили цензуру, но практически беспрепятственно пропускались в Россию. Правда, только до тех пор, пока власти преследовали задачу расслоения эмиграции.

Как только, с введением новой экономической политики оживилась культурная жизнь страны и возникла опасность возможных контактов внутренней оппозиции с эмиграцией, политика советского правительства по отношению к последней резко ожесточилась. Даже к наиболее лояльному ее крылу, сменовеховцам, стала проявляться предельная осторожность. Особенно подозрительно власти относились к тем, кто считал себя сменовеховцами внутри страны. “Сменовеховцы играют почтенную роль, но вместе с тем, у сменовеховцев, которых считают чуть ли не большевиками, есть определенные буржуазно-реставрационные ноты, и вся их программа есть буржуазная программа”, – заявлял Г. Е. Зиновьев с трибуны августовской конференции РКП 1922 года (1922: 27). Поэтому от контрпропаганды власти стали переходить и к более радикальным средствам борьбы. В системе ОГПУ был создан Иностраннный отдел, который и повел широкую “разработку” российской эмиграции, вплоть до ликвидации особо “злых врагов советской власти” (Волкогонов 1994: 191).

Смена курса вскоре сказалась и на политике культурного обмена, сравнительно легко допускавшихся в прошлом связей российских литераторов с писателями-эмигрантами, на характере и объемах зарубежных закупок литературы. Если в 1922 году в РСФСР было ввезено, преимущественно из Германии, произведений печати на 150.000 рублей, а на первый квартал 1923 года выдано лицензий на 47 тысяч рублей золотом, то к концу года объем закупок резко сократился.¹ А в 1924 году практически свелся на нет.

¹Торгово-промышленный и финансовый словарь, Ленинград 1924, с. 774.

Резко ожесточилась цензурная политика. 29 августа 1924 года Оргбюро ЦК, заслушав доклад специальной комиссии “О зарубежной литературе”, решило “концентрировать всю выписку периодической литературы в Книжном отделе НКВД, не допуская кем бы то ни было выписки помимо него” и поручило ОГПУ “проверить (читай: закрыть-Е. Д.) пути получения зарубежной литературы, кроме установленных настоящим постановлением”. А самой комиссии предлагалось “представить проект максимального сокращения получения зарубежной литературы”.² Так практически была решена проблема книгообмена советской России с эмиграцией. В дальнейшем речь уже шла о частных заказах зарубежной научной и технической литературы в весьма ограниченных масштабах. Поэтому рассматривать Гржебина как жертву советской политики изоляционизма, понятно, можно, но скорее виной всему была собственная неосмотрительность и всецело поглотившая его идея создания крупной издательской фирмы.

Характеризуя Гржебина как фанатически увлеченного своим делом человека, Горький особо подчеркивал “его настойчивость, упорство и выдержку”. “Гржебин вышел из семьи, где не только не знали книгу, но говорить по-русски не умели, — писал он Ленину, рекомендуя своего протеже, — все его детство прошло в кошмарной нищете, невежестве, до 13 лет он не знал азбуки. Это его чисто еврейское упорство и стремление “выйти в люди” меня больше всего восхищают [...] “Новая жизнь” и многие другие литературные дела обязаны своим техническим и коммерческим успехам исключительно ему” (Вайнберг 1993: 308-309). Однако целеустремленность Гржебина имела и обратную сторону: поставив подобно игроку все свое состояние на кон, он проиграл все, и сразу!

В отличие от подавляющей части эмиграции, Гржебин выехал за рубеж с советским паспортом. Были даже моменты, когда он подумывал о возвращении на родину. Никогда он непосредственно против большевиков не выступал, а до революции даже сотрудничал с ними, возглавляя “Союз социалистической печати”, созданный после Февральской революции для координации деятельности и помощи социалистической прессе. Правда, на этом поприще он не снискал особых симпатий со стороны редакторов большевистских газет. Скорее, наоборот; после Октябрьской революции они припомнили ему свои обиды. Но спасал авторитет Горького, в тени которого он находился.

² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 112, д. 590, л. 78.

По профессии Зиновий Гржебни (подлинное имя: Зелик Шиев) был художником. Еще в годы первой русской революции он занялся издательской деятельностью: выпускал сатирические журналы “Жупел” и “Адская почта”, к участию в которых сумел привлечь крупнейших русских художников. Журналы, естественно, вскоре были закрыты, а их организатор подвергся преследованию. В дальнейшем его имя связывается с еще двумя крупными начинаниями: издательствами “Пантеон” и “Шиповник”, оставившими заметный след в русской культуре. Но в конечном счете все решило знакомство, а затем и дружба с Горьким, высоко ценившим деловые качества Гржебина и его художественный вкус. Нужно отдать должное Гржебину: он всегда придавал громадное значение оформлению своих изданий.

Летом 1918 года, когда все оппозиционные газеты, в том числе и горьковская “Новая жизнь”, были закрыты, Гржебин вновь приступил к книгоизданию. В самом конце июля 1918 г. он сдал в печать книгу Иннокентия Анненского *Фамира Кифаред* и переведенный Николаем Гумилевым ассирийский эпос *Гильгамеш*. Обе книги вышли в следующем году.³ Опыт оказался настолько удачным, что породил у Горького и Гржебина надежду на возможность развернуть издательскую деятельность в более широких масштабах. Хотя весной 1919 года все государственные издательства были централизованы, частные формально никто не закрывал, и многие из них продолжали работать. Правда, в редакционном плане и они оказались подконтрольны центральному издательству Республики — Госиздату РСФСР.

Вместе с В. А. Десницким (Строевым) и проф. А. П. Пишкевичем, привлекая к соучастию крупнейших писателей и ученых, Горький и Гржебин составили план-проспект задуманной ими серии Библиотека “Жизнь мира”, представляющей собой, пожалуй, самое грандиозное издательское начинание за всю историю страны. Писатель В. Ирецкий, высланный позднее из России, назвал этот проспект “издательским Евангелием”. Эту, во всех отношениях “образцовую программу”, он советовал “каждому издателю и русскому, и иностранному иметь у себя на столе”, признавшись, правда, что человеческой жизни не хватит, чтобы ее выполнить (Ирецкий 1922: 8). На что Гржебин самоуверенно заметил в письме к Горькому: “Вопрос не во времени [...], вопрос только денег. А с деньгами я также, надеюсь, устроюсь”.⁴

³ ГАРФ, ф. 395, оп. 1, д. 45, л. л. 93-95.

⁴ Арх. Горького, КПГ 22 - 1 - 18.

Серия носила универсальный характер и состояла как бы из подсерий: “История России”, “Естествознание и техника”, “Педагогика”, “Искусство”, “Беллетристика”, “Детская литература”. Причем в проспекте открыто прокламировалась весьма либеральная для времени общественно-политическая направленность будущих изданий. Более того, сообщалось и о намерении выпускать журнал “Летопись революции”, сотрудниками которого должны были стать известные деятели социалистических партий. Под редакцией Горького предполагалось выпускать и ежемесячный “непартийный” журнал “Завтра”, ставящий своей целью защиту культурных ценностей, объединение всех интеллектуальных сил страны, восстановление духовных связей с Западом и “приобщение России к великому Интернационалу Духа, который будет немедленно создан — уже создается в ЗАВТРАШНЕЙ преобразенной Европе”.⁵

В России Гржебину удалось выпустить десять небольших книжек, в том числе первую часть *Записок о Революции* Н. Н. Суханова и воспоминания А. В. Луначарского *Великий переворот*. В последнюю был вплетен проспект серии “Жизнь мира”. Книга Луначарского и, особенно, злосчастный вкладыш, послужили поводом для инспирированной статьи “Правды”, в которой издательство Гржебина именовалось не иначе, как “авантюристическое”. Особое возмущение анонимного автора (статья была подписана: “Коммунист-рабочий”) вызвал тот факт, что в разделе проспекта “Летопись Революции” пестрели имена контрреволюционеров “всех цветов и оттенков” (“Правда” 1919, 9 ноября).

Несмотря на столь недоброжелательное отношение высоких партийных инстанций к его начинанию, Гржебин при активном содействии Горького в начале следующего года заключил соглашение с Наркомпросом и Госиздатом, обязуясь выполнить достаточно объемные заказы за рубежом. Речь шла о печатании книг и различного рода учебных пособий. Договор между заведующим Госиздатом В. В. Воровским и Гржебиным о печатании книг был заключен 10 января 1920 г., а о закупке бумаги в Финляндии — 31 января 1920 г., но уже между Воровским и Горьким, который должен был передать свои полномочия Гржебину (Хлебников 1971: 677-678). Последний договор не был выполнен.

Через неделю после подписания первого договора Гржебину был выдан аванс в 1 миллион рублей и обещано еще 2 миллиона рублей наличными. 30-35 миллионов рублей должны были быть переведены на

⁵ РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, л. 24059, л. л. 418-442.

текущий счет его издательства. Для расчетов за рубежом был выделен 1 миллион т. н. “думскими” рублями и 5 миллионов рублей, опять-таки “думскими” знаками, предполагалось выдать Горькому под договор о доставке финской бумаги. “Сейчас я весь мыслями в Финляндии и Швеции. Как организовать набор, печать, переплет и т. п. Как организовать транспорт? Через какие границы и т. п.” — писал патрону взволнованный удачей Гржебин.⁶

Однако Наркомвнешторг опротестовал договор Гржебина с Госиздатом на основании того, что Воровский не был “правомочен решать подобного рода вопросы” (Хлебников 1971: 678). Положение осложнилось. И только личное вмешательство Ленина, подключившего к возникшему конфликту практически всех членов Политбюро, способствовало его благоприятному разрешению. Перипетии развернувшихся вокруг договора с Гржебиным баталий заслуживают особого рассмотрения, в данном случае следует лишь отметить, что Ленин был достаточно хорошо информирован не только о характере договоров Наркомпроса и Госиздата с Гржебиным, но и о его намерениях параллельно вести собственную издательскую деятельность. Еще 27 мая 1919 года Гржебин послал ему письмо, в котором писал, что Горький, “не имея возможность по болезни приехать в Москву”, поручил ему ознакомить его с планами затеянного ими совместно издательства и выражал их общую надежду на содействие. “Он [т. е. Горький - Е. Д.] не писал Вам, рассчитывая, что Вы меня лично примете и непосредственно узнаете подробности этого дела”, — писал Гржебин, приобщая к собственному письму копии писем Горького к Воровскому и бывшему заведующему Центропечатью Б. Ф. Малкину, в которых излагалась суть их начинания (к письму прилагался также проспект серии “Жизнь мира”). Ознакомившись с письмом Гржебина, Ленин распорядился его сохранить, сделав стандартную помету: “В Архив”, но, судя по всему, автора письма все же не принял.⁷

Валюты в государственной казне, действительно, не хватало. “Даже буквари мы едва ли будем в состоянии печатать за границей”, — писал Горькому в начале мая 1920 года Нарком внешней торговли Л. Б. Красин и советовал: “поставить крест над неосуществимым в ближайшее время планом заграничных заказов”.⁸ Однако это заявление не

⁶ Архив Горького, КПГ 22 - 1 - 6.

⁷ РЦИХДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 24059, л. 415.

⁸ Архив А. М. Горького, Москва 1964. Т. 10, кн. 1, с. 12.

подействовало на Гржебина. Полный новых планов, он 22 мая 1920 года предложил Воровскому в счет выделенных Совнаркомом, но так и не полученных 50 тысяч фунтов стерлингов печатать за границей не только книги, предусмотренные намеченной программой, но и другие издания Госиздата, воспользовавшись тем, что он уже вошел “в соглашение с писчебумажными фабрикантами, и с типографиями”.⁹ Одновременно он просил Воровского выплачивать гонорар советским авторам в российской валюте. И не только тем, чьи произведения были включены в приложенный к договору список, но и тем, чьи книги были отобраны при “непосредственном и ближайшем участии М. Горького” для серии “Жизнь мира”.¹⁰ Другими словами, не располагавший никакими средствами Гржебин, намеревался таким образом авансировать собственное предприятие.

Отчитавшись в проделанной работе, он в начале июня 1920 года отправился за границу, так и не получив обещанной валюты, правда, располагая полномочиями и мандатами советских учреждений. Проехав Финляндию, Швецию, Англию, Францию, он обосновался в Германии, условия работы в которой были наиболее благоприятны для реализации его грандиозных планов. Большую часть заказов Наркомпроса и Госиздата он все же разместил в Стокгольме, по более дорогим, чем в Германии, расценкам, но зато не уплатив ни копейки аванса.

Первая поездка Гржебина совпала со сменой руководства Госиздата. Воровский был переведен на дипломатическую работу, а на его место назначен старый партийный функционер, публицист и издательский работник С. М. Закс-Гладнев, давний недруг Гржебина и Горького. Закс не мог простить Гржебину издания во время войны патриотического журнальчика “Отечество” и, главное, председательства в “Обществе социалистической печати”, что дало тому возможность, по словам Закса, провести аферу с бумагой, предназначавшейся “социалистической прессе”, пустив ее “в продажу по вольной цене”.¹¹ Обо всем этом он поведал чуть позднее своему старому товарищу – управляющему ВЧК Г. Ягоде, надеясь на его содействие в борьбе с Гржебиным и Горьким.

Договор Гржебина с Госиздатом на печатание книг за границей он воспринимал как “грюндерство за советский счет”. Почему и решил его

⁹ ГАРФ, ф. 395, оп. 10, д. 44, л. 16-17.

¹⁰ ГАРФ, ф. 395, оп. 10, д. 44, л. л. 169-170, 173.

¹¹ ГАРФ, ф. 395, оп. 10, д. 44, л. л. 61, 141.

сорвать, чего бы это ему ни стоило. Если быть справедливым, то следует признать, что заказ, выполняемый Гржебиным, действительно нельзя было отнести к остронеобходимым республике вещам. Он преследовал другую задачу, о чем говорилось выше, помочь Гржебину на полученные от выполненных работ 5% от общей суммы создать собственное издательство и обеспечить Горького литературным заработком, окажись он за пределами РСФСР.

Независимая позиция Горького, критика им многих мероприятий советской власти стали предметом острого недовольства со стороны наиболее радикально настроенных членов партии, даже послужили и поводом к расхождению внутри ее руководства. Выслать же его из страны, как несколько позднее поступили с большой группой писателей и ученых, было нельзя: слишком авторитетен он был за границей, особенно в либеральных кругах. Да и лишний раз пренебрегать мировым общественным мнением было нецелесообразно. Выехать же добровольно, под предлогом необходимого ему лечения, писатель долго не решался, так как не обладал необходимыми на то средствами. Не зная иностранных языков, он не мог рассчитывать и на активную литературно-общественную деятельность. Задуманное совместно с Гржебиным предприятие частично решало обе эти задачи: Горький оказывался в центре грандиозного издательского начинания и получал постоянный источник самообеспечения.

Так все задумывалось. Но финансирование проекта сразу же было сорвано. Не касаясь всех подробностей, связанных с преодолением возникших препятствий, достаточно подробно освещенных в литературе, следует лишь напомнить о накале развернувшейся вокруг гржебинского начинания борьбы. В Советской России все претензии к Горькому и Гржебину как бы сфокусировались в письме заведующего Госиздатом С. М. Закса-Гладнева Ленину, в котором он отказывался внять его советам и помочь им наладить за границей печатание книг для РСФСР (23 сентября 1920).¹² За что вскоре и был освобожден от занимаемой должности.

О том, что Закс-Гладнев выражал широко бытующее в партийных кругах мнение, Ленин убедился буквально через три дня после получения его письма, конспектируя доклад В. И. Невского, выступившего в качестве оппонента Наркома просвещения А. В. Луначарского на III сессии ВЦИК 7 Созыва, он особо выделил слова Невского, потребовав-

¹² РЦИХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 1018, л. л. 3-4.

шего “уничтожить издательство Гржебина [как] контрреволюционное” (*Литературное наследие* 1971: 657). О мнимых и действительных преступлениях Гржебина сообщали в Москву бесчисленные доброхоты, в большей части видевшие в нем удачливого соперника (о чем, кстати, писал Ленину и Горький в цитированном выше письме). Сохранились, например, такого рода письма в Москву от известного берлинского издателя Е. А. Гутнова.¹³

В эмигрантской среде наиболее рьяно выступали против Гржебина смертельно обиженные на него С. Д. Мережковский и З. Н. Гиппиус, аттестуя его “прирожденным паразитом и мародером интеллигентной среды” (Гиппиус 1991: 48). Распуская слухи о его широкомаштабных “спекулятивных операциях”, Гиппиус имела в виду контрагентские услуги, которые Гржебин, действительно, оказывал советскому правительству. По заключенному в декабре 1919 года договору с Наркоматом торговли, он приобретал за демаркационной линией белоостровского фронта различного рода товары (медикаменты, телеграфные аппараты, проволоку и т. п.) и доставлял их в Петроград за 15% комиссионные отчисления от суммы сделки. Поскольку комиссионные он получал в т. н. “думских рублях”, он имел возможность закупать за рубежом какие-то товары и оперировать ими в личных целях.¹⁴ Полученные в итоге этих операций деньги и составили в значительной мере его первоначальный издательский капитал.

Увлекшая Гржебина идея издания, как бы мы теперь сказали, суперсерии “Библиотека *Жизнь мира*” казалась вполне реальной, несмотря на царившие кругом хаос и хозяйственную разруху. Можно даже сказать так: именно благодаря этим обстоятельствам он только и надеялся ее осуществить. Человеку, не обладавшему необходимыми средствами, невольно приходилось рассчитывать на какой-то постоянный источник доходов, дававший возможность параллельно вести свое дело. Эту роль выполнял заказ Госиздата на печатание книг с границей. Но еще более важны были для него завязавшиеся связи с заинтересованными в длительном сотрудничестве немецкими типографиями. Параллельно с заказанными Госиздатом книгами, Гржебин в них печатал и свои издания. Хотя он перенес основную контуру издательства в Берлин, благодаря чему мог пользоваться всеми льготами и правами немецких издательств, два его филиала продолжали функ-

¹³ ГАРФ, ф. 395, оп. 10, д. 44, л. 148.

¹⁴ ГАРФ, ф. 395, оп. 10, д. 44, л. л. 61, 141.

ционировать в России: петроградский, которым ведал проф. А. П. Пинкевич, и московский, возглавлявшийся Я. Е. Эльсбергом. Предполагалось, что российские отделения будут формировать большую часть текущего репертуара издательства, одновременно получая разрешение на ввоз книг в Россию.

Однако грандиозный книгоиздательский мост Берлин-Петроград-Москва (местоположение издательства указывалось на титульных листах гржебинских изданий) ни в политическом, ни в техническом отношении не устраивал советское правительство, тем более, что в редакционном плане Москва не могла ни контролировать, ни оказывать существенного влияния на Гржебина. Правда, поначалу власти были более чем либеральны. Еще находясь в России, Гржебин получил разрешение на издание воспоминаний Н. Суханова *Записки о революции*, Ю. Мартова *Русская революция*, Ф. И. Дана *В дни революции* — некоторых других подобных изданий, которые вышли уже в Берлине.¹⁵ Несколько позднее, 15 октября 1921 г. он получил разрешение на издание в Петрограде “Северного альманаха” (Горький, Блок, Замятин, Сологуб, Кузмин и др.) и сборников стихов Ахматовой, Сологуба, А. Белого, Ходасевича, Гумилева, А. Блока, Кузмина, Цветаевой, Георгия Иванова. Разрешение было получено с пустяковой оговоркой, исключающей возможность печатания названных книг в бывшей типографии Голике и Вильберга, предназначенной для выполнения правительственных заказов.¹⁶ Однако за исключением книг Ахматовой и Кузмина, так и не увидевших света, и эти поэтические сборники были изданы в Берлине.

Несколько позднее, 18 ноября 1921 года, Гржебин снова подал в Петроградское отделение Госиздата список предполагаемых к изданию книг из 9 названий с просьбой разрешить ему их напечатать в России. Но на сей раз Редколлегия Петроградского отделения Госиздата запросила мнение Центрального Правления, сомневаясь в том, следует ли удовлетворять просьбу Гржебина “в то время, как у издателя есть средства для издания книг за границей”.¹⁷ Ответ Госиздата неизвестен, но предполагавшиеся к изданию в России книги В. Брюсова *Миг*, В. Ходасевича *Из еврейских поэтов*, Б. Пастернака *Сестра моя жизнь* и некоторые другие увидели свет в Берлине.

¹⁵ ГАРФ, ф. 395, оп. 10, д. 44, л. 63.

¹⁶ ГАРФ, ф. 395, оп. 9, д. 112, л. 23.

¹⁷ ГАРФ, ф. 395, оп. 9, д. 112, л. л. 12-14.

К работе издательства Гржебин стремился подключить не только таких известных писателей, как Брюсов (он должен был редактировать литературную часть большого сборника, предназначавшегося для западно-европейских читателей), но и малоизвестных, молодых авторов.¹⁸ Одним из них был Б. Пильняк, рекомендованный Гржебину Горьким. Гржебин издал три книги Пильняка: одну — сборник *Смертельное манит* в Москве, в 1922 году, две другие в Берлине. Московскую книгу Пильняка, надо полагать не без содействия друга Закса-Гладнева Генриха Ягоды ОГПУ тут же конфисковало. Только благодаря энергичному вмешательству Л. Д. Троцкого Политбюро 17 августа 1922 года освободило книгу из-под ареста.¹⁹

Гржебин издает в Берлине ряд сочинений русских классиков (Достоевского, Лермонтова, Лескова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чехова и др.). Не в таком, понятно, обилии, как их выпускали, например, издательство “Слово” или “И. П. Ладыжников”; слишком уж узок был внутриэмигрантский рынок в Европе, но в таком количестве, чтобы, экспортируя их в Россию как-то компенсировать затраты по выпуску произведений современных авторов. Поэтому постановление Главлита (декабрь 1922 г.) о запрещении ввоза в РСФСР из-за границы книг русских классиков было для него более ощутимым ударом, чем для кадетского издательства “Слово”, продукция которого вообще не закупалась Советской Россией.²⁰

После переезда в Германию, Горький поначалу продолжал свое сотрудничество с Гржебиным, отказываясь от всяких иных предложений. Его поддержка многое значила для Гржебина, не располагавшего средствами, но продолжавшего несмотря на постоянные перебои с поступлением денег из Москвы, выполнять взятые на себя обязательства. “Все, что я теперь печатаю (а это стоит очень много денег), я печатаю на деньги не от правительства полученные. Часть денег брата, часть моих. В общем рассчитываю сейчас вложить в дело несколько миллионов марок. Это даст возможность напечатать такое большое количество книг, что “утопией” наше дело не будут считать больше. Что именно печатать в первую голову (первые сто названий) решим, когда приедет Пинкевич. Тогда с Вашего разрешения, приедем к Вам и

¹⁸ Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Москва 1967, вып. 29, с. 239-240.

¹⁹ ГАРФ, ф. 5446, оп. 55, д. 78, л. 5; РЦИХДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 308, л. 5.

²⁰ ГАРФ, ф. 395, оп. 1, д. 373, л. 144.

всю программу печатания обсудим. Пока же печатаю случайные книги — то, что имею здесь в рукописях и что не вошло в заказ Госиздата”, — делился с Горьким своими планами Гржебин (20 февраля 1922).²¹

Но уже к концу года писатель убеждается в химеричности надежд Гржебина и несколько переориентируется в своих планах, о чем можно судить по письму к нему заведующего редакционным сектором Госиздата А. Г. Калашникова, намеревавшегося привлечь Горького к работе Издательства. Находясь летом 1922 года в Берлине, Калашников отложил свою встречу с писателем, так как “получил сведения”, что тот связан “редакционной работой почти исключительно в издательстве Гржебина”. Однако в декабре 1922 года он “получил через П. П. Крючкова [сотрудника Торгпредства - Е. Д.].. ответ, который можно было бы рассматривать, насколько я понял, как Ваше принципиальное согласие работать в Госиздате”, — писал он Горькому.²²

О своих сомнениях относительно возможности дальнейшего сотрудничества с Гржебиным Горький весьма откровенно написал ему в октябре 1923 года: “Положение кажется мне безвыходным. В Германии работать невозможно. Вы знаете это лучше меня. Да и вообще я не вижу, в какой стране сейчас возможно было бы прочно поставить русское книгоиздательство. Можно говорить лишь о художественных изданиях, которые найдут сбыт среди иностранцев, а количество русского читателя должно быстро уменьшаться вследствие покупательной способности и ухода из Европы — в Россию, в Америку”. Сомневался он и в возможности свободной работы в РСФСР. Выхода из создавшегося положения он не видел (Grjebine 1987: 29).

Возникшие расхождения вызывались не только техническими трудностями, но и личными мотивами. Издательский отдел берлинского торгового представительства совместно с Госиздатом по решению Политбюро приступил к изданию собрания сочинений Горького, что практически полностью решало проблему его материального обеспечения. В связи с этим возникла необходимость более осторожно относиться к издательской деятельности Гржебина, продолжавшего выпускать в Берлине книги виднейших деятелей российских социалистических партий, что вызывало резко негативную реакцию в Советской России. Когда в январе 1923 года вышел первый номер давно ожидаемого журнала “Летопись революции”, где почти все они были

²¹ Арх. Горького, КГП 22 - 1 - 19.

²² ГАРФ, ф. 395, оп. 1, д. 299, л. 473.

представлены в качестве авторов, значившиеся членами его редколлегии Горький и Н. Валентинов в последний момент сняли свои фамилии из ее списка. Ожидаемого эффекта журнал, правда, не произвел: на Западе подобными материалами мало кого можно было удивить, в Россию путь ему был закрыт. Огорченный Гржебин писал Горькому: “Конечно, я не ожидал, что первый номер перевернет весь мир, но все-таки думал, что книга вызовет интерес больший, чем оказалось на самом деле”.²³

Да и сочинения самого Горького далеко не всегда доходили до советского читателя. Отвечая на запрос заведующего Торговым отделом Госиздата Н. Н. Накорякова, председатель его Редколлегии Н. Л. Мещеряков 14 ноября 1922 года писал: “Книгу Гусева-Оренбургского *Еврейские погромы*, изданную Гржебиным, приобрести и пустить в продажу в том виде, как она издана, решительно нельзя. Из книги необходимо вырезать послесловие Горького, а на обложке уничтожить слова: “с послесловием Горького”.²⁴

В ослаблении связей с Горьким в известной мере был виноват и сам Гржебин, использовавший имя писателя в не совсем корректных операциях с валютой. Правда, в письме к Горькому он отрицал прямую причастность к ним, но близкий к писателю И. П. Ладыжников, связанный родом своей работы с сотрудниками ОГПУ (в частности, П. П. Крючковым), ни в коей мере не сомневался в справедливости подобного рода обвинений.²⁵

В поисках выхода, Гржебин задумал и практически осуществил чрезвычайно дорогостоящее издательское начинание, окончательно подорвавшее его финансовое положение: он приступил к изданию первой, и кажется, единственной в русской эмиграции энциклопедии. Речь идет об *Энциклопедическом словаре* под редакцией проф. В. В. Водовозова. Первый том словаря вышел в свет и получил чрезвычайно высокую оценку современников. И. Д. Сытин, сам издавший несколько энциклопедических изданий, отзывался о нем восторженно. Все это дало основание Гржебину попытаться скооперироваться через писателя А. Аросева, находившегося на дипломатической работе в Праге, с московским издательством “Круг” для его совместного выпуска. Советская сторона ставила в качестве неперемennого условия введение в

²³ Арх. Горького, КГП 22 - 1 - 32.

²⁴ ГАРФ, ф. 395, оп. 1, д. 299, л. 267.

²⁵ Арх. Горького, КГП 42 - 1 - 32.

редакцию И. И. Скворцова-Степанова, вместо В. А. Базарова, предлагавшегося Гржебиным. “Я готов, хоть черта принять в Редакцию, лишь бы кончилось это возмутительное положение”, признавался Гржебин Горькому.²⁶ Но, как и следовало ожидать, дорога в РСФСР подобным изданиям оказалась закрыта.

В самом начале 1924 года Гржебин устроил в Париже вторую выставку своего издательства (первая проходила в Берлине в 1923 г.).

“Народу на выставку ходит много, самого разнообразного [...] — сообщал он Горькому. — Все были раньше всего удивлены количеством изданных книг; несколько задерживает восторги новая орфография (все еще!). Но в конце концов и с этим мирятся, побежденные удельным весом книг, внешностью и проч. Так или иначе, но все в один голос поздравляют и удивляются. Да я и сам вижу теперь, что сделано много”.

Но чувствовал он себя на выставке побежденным победителем. Впрочем, к этому времени он уже ясно осознавал, что необходимо менять направление издательства, весь характер своей деятельности. Не овладей им в свое время “*Manja grandiosa*”, не истрать он все свои сбережения, вплоть до последней копейки, то не исключено, что ему удалось бы сделать еще немало полезного для русской культуры.

“Теперь нельзя будет за границей ни издавать так много, ни идти по той же программе, — писал он в цитируемом письме к Горькому. — В сущности конец 23-го года — это конец издательской деятельности за границей. И мне приходится перестраивать программу работы, если не хочу умереть, как издатель. Всегда для меня было ясно, что русское издательство без России это как человек на воде: сколько бы он ни плыл и как бы далеко не уплыл, а вернуться на землю должен. И жить ему на земле. Я не вижу возможности работать настоящим образом вне России”. Понимая все же, что путь в Россию ему заказан, он попытался увлечь Горького новой идеей: “Я пригляделся в Германии и во Франции и крепко убедился, что детская литература стоит на самом низком уровне. Я хочу создать, если не специальное издательство, то расширить наш детский отдел”.²⁷ Он предполагал издавать книги сразу на нескольких языках, и даже увлек своей идеей таких знаменитых художников, как Бакст и Бенуа. Но и этим планам не суж-

²⁶ Арх. Горького, КГП 22 - 1 - 51

²⁷ Арх. Горького, КГП 22 - 1 - 45.

дено было осуществиться, поскольку они были такими же фантастическими, как и идея возрождения в Париже газеты “Новая жизнь”.²⁸

На фоне этих катастрофических неудач взаимоотношения с Госиздатом, вернее, с берлинским Торгпредством, взявшим на себя его обязательства, бесспорно осложнили его положение. Но не они привели Гржебинское издательство к краху. В этом легко убедиться, проследив взаимоотношения сторон. Просто после того, как частное книгоиздание широко развернулось в самой России, а государственные издательства перешли на полный хозяйственный расчет, отпала необходимость в зарубежных контрагентах.

Объясняя суть перемен, происходящих в политике Госиздата в связи с введением нэпа, его заведующий О. Ю. Шмидт сообщал своему представителю в Берлине З. Г. Гринбергу, который непосредственно контактировал с Гржебиным, о необходимости существенно изменить ряд пунктов в их прежнем договоре с ним. Мотивировал он свое предложение следующими причинами: Госиздат столь быстро увеличивает свою мощь, что больше не нуждается в контрагентах, тем более зарубежных, заметно усилился политический контроль и вряд ли будут пропущены цензурой, например, учебник П. С. Лесгафта, книга Р. Ю. Виппера *Исторические теории*, монография В. А. Келтуялы и т. п. работы. Кроме того, следует учесть, что книги научно-популярного характера расходятся при тираже не более 3000 экземпляров, а они заказаны чуть ли не в стотысячном тираже; научные труды, вроде курса физики О. Д. Хвольсона, из-за высокой цены оказались недоступны покупателям. Опасаясь нажить “крупные политические неприятности”, Шмидт советовал Гринбергу “избавиться от этого дела”, что было бы “самым лучшим исходом. Если же это невозможно, то сократить (заказ) в несколько раз”.²⁹

Гржебин в конечном итоге согласился со всеми продиктованными ему условиями. Но пока шли переговоры, деньги из Москвы не поступали. Он исключил из заказа даже сочинения русских классиков, заменив книгами современных авторов, хотя первые были фактически безгонорарными (тем не менее, И. Д. Сытину, как владельцу авторских прав на сочинения Лескова, отмененных советскими законами, Гржебин выплатил солидную сумму).³⁰ Произведенная замена должна была

²⁸ Арх. Горького, КГП 22 - 1 - 54.

²⁹ ГАРФ, ф. 395, оп. 1., д. 282, л. 35.

³⁰ Арх. Горького, КГП 22 - 1 - 10.

влететь ему в такую сумму, что полученный доход от всего заказа, по его словам, едва мог покрыть гонорар новым авторам.³¹

Летом 1922 года Госиздат передал свои полномочия в части закупки книг за границей советскому Торгпредству, в недрах которого образовался издательский отдел, возглавляемый близким к Горькому человеком, И. П. Ладыжниковым. Поскольку деньги Гржебину выделялись Наркомвнешторгом, и попадали к нему через берлинское представительство, то Торгпредство посчитало, что отныне именно оно должно регламентировать отношения с ним. Договор с Гржебиным был перезаключен, на сей раз его подписал торгпред Б. С. Стомоняков, но нового импульса от этой работа не получила.

Находясь летом 1922 года в Берлине, Шмидт пытался объяснить Стомонякову, что “весь смысл операции с Гржебиным состоял в быстроте исполнения” заказа.³² Пока аппарат самого Госиздата перестраивался на хозяйственный расчет, страна могла получить полезные и необходимые народу книги. Выплачивать же Гржебину теперь гонорар за работу, которую могли выполнить сами сотрудники Госиздата, не имело смысла. Но распорядитель кредитов Стомоняков стоял на своем, и Шмидту пришлось с ним согласиться. Правда, по его настоянию сумма заказа Гржебину была сокращена со 140000 долларов до 90000. Следовательно, уменьшились и “орграсходы”, составлявшие немалую его часть. На сэкономленные 50000 долларов Торгпредство обязывалось закупить для Госиздата полиграфические материалы.

Договор Гржебина с Торгпредством был заключен 27 июня 1922 года, однако только в конце октября правление Госиздата, разобравшись, наконец, с Торгпредством, поручило своему торговому и редакционному сектору “определить тиражи на заказанные Гржебину книги и дать в этом смысле подробную инструкцию тов. Гринбергу”.³³ Чтобы не сорвать хода работ, Гржебин вынужден был расплачиваться с типографиями своими средствами. “Час, когда весь заказ будет готов и мы с ним разделаемся, я буду считать счастливейшим днем моей жизни”, — писал он Горькому.³⁴

В свою очередь и Госиздат готов был полюбовно с ним расстаться. Когда газета “Известия” (1922, № 152), опубликовав беседу с

³¹ Арх. Горького, КГП 22 - 1 - 27.

³² РЦИХДНИ, ф. 17, оп. 60, д. 271, л. л. 203-204.

³³ ГАРФ, ф. 395, оп. 1, д. 147, л. 65 а.

³⁴ Арх. Горького, КГП 22- 1- 67.

О. Ю. Шмидтом, несколько искажила его мысли относительно союза с Гржебиным, он немедленно потребовал опровержения. “Говоря об издательстве З. И. Гржебина, — писал Шмидт, — я не имел в виду каких-либо упреков. Приобретя у русских ученых (преимущественно у живущих в России, а не за границей, как ошибочно сказано было в беседе) их рукописи, издательство З. И. Гржебина, конечно, осуществляло свою коммерческую деятельность, а для самих ученых, при существующих тяжелых условиях, это приобретение могло явиться известной поддержкой. Однако у частного издательства нет средств на издание такого числа рукописей. Поэтому только приобретение их Госиздатом даст нашим авторам, наконец, возможность увидеть свои произведения напечатанными. Издательство будет осуществлено в Германии издательским аппаратом Торгового представительства РСФСР при участии З. И. Гржебина”.³⁵

Казалось, что наконец достигнуто полное взаимопонимание, все пришли к общему согласию, и дело сдвинулось с мертвой точки. Но неожиданно, 25 апреля 1923 года в Торгпредство поступила телеграмма из Наркомвнешторга, известившая Стомонякова, что по решению правительства “выполнение заказа Гржебина необходимо прекратить. Книги, сданные Гржебиным, набранные, но не отпечатанные, передать Госиздату в Москву”. К этому моменту из ассигнованных на выполнение заказа 90 тысяч долларов Гржебину было передано только около 60 тысяч долларов.³⁶

Третейский суд, состоявшийся 24 мая 1923 года в Берлине под председательством проф. Ф. А. Брауна, к обоюдному согласию сторон разрешил почти все финансовые взаимопетензии. Гржебин получил право допечатать под своей фирмой десятую часть тиража, тех 59 названий, которые значились в списке Госиздата, благодаря чему эти книги обошлись ему несколько дешевле, чем прочие издания. Поэтому советская сторона намеревалась вытребовать у него 500 тысяч германских марок из общей суммы, выплаченной им за полиграфические работы, а Госиздат соглашался со своей стороны выкупить их у него. Гржебин же согласился уменьшить причитающуюся ему сумму с 15 тысяч долларов до 12.600 долларов. Окончательное решение конфликта предполагалось перенести в Третейский суд, который должен

³⁵ ГАРФ, ф. 395, оп. 1, д. 293, л. 80..

³⁶ ГАРФ, ф. 395, оп. 1, д. 368, л. 76.

был состояться в Москве, но Гржебин благоразумно туда не поехал.³⁷ Во всем остальном он охотно шел навстречу советской стороне, рассчитывая, что Госиздат в конечном счете какую-то часть его книжных запасов выкупит (о чем, кстати, существовала устная договоренность со Шмидтом). Вероятно московские коллеги выполнили бы свои обязательства, если бы в начале февраля Гринберг не получил список эмигрантских издательств, чьи книги вне зависимости от содержания запрещались к ввозу в Россию. Среди них значилось и издательство Гржебина.

Начальник Главлита П. И. Лебедев-Полянский объяснял предпринятые меры тем, что “Гржебин имеет связь с белогвардейцами” и является “недобросовестным человеком в коммерческом отношении”.³⁸ Правда, из дальнейшего изложения становилось ясно, что на самом деле этим актом преследовалась задача не допустить в РСФСР принадлежащую Гржебину десятипроцентную часть тиража изданий, свободно распространяемых в стране.

Это решение Главлита, подобно бумерангу, отозвалось и на взаиморасчетах с Наркомпросом, которому он оставался должен примерно 8 тысяч долларов, рассматривавшихся им как неустойка за сорванный советской стороной заказ. К этой сумме добавился еще долг в 2.300 фунтов стерлингов, переданных в свое время Гржебину советским представительством в Лондоне в тяжелый для него момент под залог большой партии книг, которые затем были переправлены в Берлин. Однако эти книги из-за запрета Главлита не могли быть отправлены в Москву.³⁹ В конечном счете, новый заведующий Госиздатом Г. И. Бройдо выкупил у Гржебина половину склада его продукции (общей стоимостью в 100 тысяч долларов) с 50% скидкой. Однако владельцу досталось из них всего 15 тысяч долларов, поскольку несколько ранее в качестве аванса О. Ю. Шмидт выплатил ему 10 тысяч долларов.

Затевать на эти, в сущности, мизерные деньги, новое издательское предприятие было бессмысленно, а ничто иное Гржебина не интересовало. “Заниматься другими делами не могу и не хочу”, — признавался он Горькому в последние дни 1924 года.⁴⁰

³⁷ ГАРФ, ф. 395, оп. 1, л. л. 90, 94-105, 106, 917.

³⁸ ГАРФ, ф. А 2306, оп. 69, д. 193, л. л. 5, 10.

³⁹ ГАРФ, ф. А 2306, оп. 69, д. 193, л. л. 1, 2, 3.

⁴⁰ Архив. Горького, КГП 22 - 1 - 50.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вайнберг И. И.

1993 Возвращаясь к имени Зиновия Исаевича Гржебина. Неизвестное письмо А. М. Горького В. И. Ленину. — Евреи в культуре русского зарубежья, Иерусалим 1993, вып. 2.

Волкогонов Д.

1994 Ленин. Политический портрет. Москва 1994.

Гессен И. В.

1979 Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж 1979.

Гиппиус З. Н.

1991 Петербургский дневник. Москва 1991.

Grjebine H.

1987 The Publisher Zinovii Isacvich Grzhebin: A Documentary Memoir. — Solanus (1987) 1.

Зиновьев Г. Е.

1922 Об антисоветских партиях и течениях. Москва-Ленинград 1922.

Ирецкий В.

1922 Двести восемнадцатая. — Летопись дома литераторов (1922) № 1-2.

Литературное наследство

1971 Литературное наследство, Москва 1971, т. 80.

Хлебников Л. М.

1971 Из истории Горьковских издательств "Всемирная литература" и "Издательство З. И. Гржебина" — Литературное наследство, Москва 1971, т. 80.

Ходасевич В. Ф.

1940 Горький. — Современные записки (1940) № 70.

Шомракова И. А.

1994 Книжкое дело зарубежья (Европа 1917-1940). — Книга. Исследования и материалы (1994) сб. 67.

